

речь»¹⁸. При этом Паунд отмечал, что постоянно происходит борьба между уже признанными требованиями, появляются новые интересы, которые необходимо совмещать с прежними. Признание тех или иных интересов и их разграничение должны осуществляться на основе разума, в соответствии с существующими ценностями¹⁹. Таким образом, субъект права будет обладать «живой правосубъектностью» только в том случае, когда есть четкое закрепление в нормах права тех прав (вместе с корреспондирующими им обязанностями), которые соответствуют существующим в конкретном обществе социальным, государственным и индивидуальным интересам. При этом соотношение данных интересов и их взаимное ограничение должно быть максимально оптимальным.

2. Должна существовать психологическая ориентация субъектов, обеспечивающая не только способность иметь права, но и приобретать, осуществлять, изменять и прекращать юридические права и обязанности, т.е. быть участником правоотношений. Способность человека реализовывать свои права и обязанности, определяется не только его способностью осознавать свои действия и бездействия и их последствия, но и состоянием правового порядка в государстве, правовой культуры. В условиях, когда в обществе царят различные формы деформации (правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм и др.) правового сознания, отсутствует правопорядок, индивид не может в полной мере реализовывать права, предоставленные ему нормами права, не будет чувствовать общественную необходимость и не станет способствовать интеграции общества.

Таким образом, правосубъектность — это понятие, которое существует в юридической теории и практике и вызывает многочисленные споры. Для того чтобы оно заняло конкретное место в системе правовых категорий, законодателю необходимо выработать свою позицию о его содержании и отразить ее в нормативно-правовых актах. Кроме того, необходимо исследовать условия, при которых правосубъектность будет «живой», сможет реализовываться в правовых отношениях, а не просто останется способностью, признанной государством в нормах права, т. е. на бумаге.

¹⁸ Pound R. Social control through law. New Haven : Yale Univ. Press; Oxford Univ. Press, 1942. P. 66.

¹⁹ См.: Ibid.

М. В. АНТОНОВ

*Санкт-Петербургский филиал Государственного университета —
Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург*

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ: ОТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ К МЕТОДОЛГИЧЕСКОЙ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

Очевидно, что тот или иной вариант определения правового положения лица имеет далеко идущие последствия для всего правового регулирования в обществе. Если, как утверждает известный цивилист, в наши дни правовое мышление переживает «радикальную ломку... и перерождение из советского в классическое»¹, то вопрос о терминах, используемых при теоретико-правовом конструировании прав личности, относится к числу первоочередных для проверки на соответствие новым мировоззренческим и социальным реалиям. Поэтому вопрос о точном выборе здесь релевантных понятий и отсева понятий нерелевантных имеет значение, которую нельзя недооценивать. Отечественное правоведение предлагает сразу несколько понятий, очерчивающих юридическую границу личной свободы. Некоторые понятия, касающиеся определения субъекта права, получили свое закрепление в нормах действующего законодательства: так, дефиниции правоспособности и дееспособности даны в Гражданском кодексе РФ (ст. 17, 18, 49 и др.). Другие понятия, в частности, центральное в этом логическом ряду понятие правосубъектности, продолжают существовать лишь на страницах научных работ, но тем интересней их анализ, что он не превращается *ipso facto* в критику действующего законодательства.

В отечественном правоведении уже несколько десятилетий ведутся споры о том, насколько оправдано и необходимо понятие правосубъектности. Так, проф. Матузов утверждает, что данный термин излишен, поскольку без нужды усложняет и без того непростую проблематику и приводит к новым бесперспективным спорам². Действительно, какую эвристическую ценность несет в себе разбираемое понятие, и есть ли в нем нечто такое,

¹ Белов В. А. Двадцатилетие возрождения русской классической цивилистики // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2008. С. 18—19.

² Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 84.

что нельзя выразить иными юридическими терминами или их сочетаниями?

Для анализа этого понятия трудно найти исходные нормативно-правовые ориентиры. Действующее законодательство не содержит подобного термина, но он иногда употребляется в переводах международных правовых актов. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 16) фиксируется, что «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Аналогичное положение содержится в ст. 6 Всеобщей декларации прав человека. Неужели понятие правосубъектности стало частью мировой науки права? Иллюзия быстро рассеивается, когда читаем основной (английский) текст документа: «*Everyone shall have the right to recognition everywhere as a person before the law*». Очевидно, что в этой и других сравнимых ситуациях мы имеем дело с вольным переводом, а правосубъектность обозначает просто признание (прав) личности перед законом³.

---

³ По мнению Н. В. Андрианова, употребляемый в Декларации оборот «личность перед законом» в своем «специально-терминологическом значении вполне соответствует термину правосубъектность» (Андрианов Н. В. Правосубъектность: резоны и ризомы // Российский ежегодник теории права. 2008. ц 1. С. 369). Это утверждение очень даже сомнительно, поскольку «субъект» и «личность», и уж тем более «право» и «закон» не могут рассматриваться как взаимозаменяемые или взаимопределимые понятия. Равно как трудно согласиться и с тем положением, которое автор призывает «единодушно принять» — признание лица субъектом права со стороны других вовсе не предполагает установления его правосубъектности в смысле, вкладываемом отечественной правовой доктриной в этот термин. Речь здесь может идти об иных, более глубинных условиях существования личности, бытие которой неизменно предполагает существование Другого и признание с стороны Другого. Раскрытие понятия правосубъектности через конструирование юридической личности в подобном коммуникативном ракурсе представляет несомненный интерес (ср. формулировки такого подхода: Поляков А. В.: 1) Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; 2) Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Права человека: вопросы истории и теории. Материалы межвуз. науч.-теор. конф. СПб., 2004. С. 3—28; 3) Прощание с классикой // Российский ежегодник теории права. 2008. ц 1. С. 9—42), но нельзя сказать, что этот подход полностью реализован в догме отечественного правоведения.

Откроем терминологический словарь. Правосубъектность определяется в одном из них как «способность иметь и осуществлять своими действиями гражданские права и обязанности»⁴. Это определение совпадает с основным вариантом понимания правосубъектности в отечественной юридической литературе, объединяющим под этим термином такие признаки правового положения личности, как правоспособность и дееспособность. Очевидно, что если значение рассматриваемого термина состоит в том, чтобы дать общее название совокупности других терминов, то очевидна логическая избыточность этого понятия, которое употребляется для агрегированного описания качеств субъекта, что уже полностью описаны при помощи понятий право- и дееспособности⁵. Чтобы выйти из этого затруднения, сторонники логической независимости термина «правосубъектность» предлагают понимать его как «социально-правовую способность лица, служащую юридической мерой способности участия в правоотношениях»⁶. Но ситуацию это не спасает. Если правосубъектность, наряду с правоспособностью (вторым понятием, которое характеризует закрепленную за лицом правовую свободу, «право быть субъектом прав и обязанностей»⁷), также определяется через категорию способности, то тождество рассматриваемых понятий очевидно.

Возможно ли уйти от тождества понятий за счет атрибутирования понятию «способность» характеристик, различающихся в отношении к рассматриваемым понятиям? Сторонники деления между правосубъектностью и правоспособностью предлагают различать эти понятия по объему содержания, обозначая право-

---

⁴ Юридический энциклопедический словарь / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2009. С. 540.

⁵ Ср.: Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2003. С. 290 и далее. Ничего не меняет дополнение этого понятия деликтоспособностью, субъективными правами, способностью их защиты и иными признаками (см. об этом: Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006. С. 30 и далее), вариативность которых кажется лишним подтверждением отсутствия оснований к формированию правосубъектности как логически независимого понятия.

⁶ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 11.

⁷ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 6.

субъектность как общую категорию, характеризующую возможность (способность) лица выступать носителем прав вообще, тогда как «правоспособность» оказывается более узкой категорией, означающей признанную государством возможность (способность) лица быть носителем конкретных субъективных прав⁸. Так, применительно к первому из понятий речь идет о гипотетической взаимосвязи между лицом и обществом в ракурсе будущих возможных отношений этого лица с иными лицами в данном обществе. Иными словами, правосубъектность обозначает признание лица субъектом с тем, чтобы потом наделить его юридическими способностями, допущение для субъекта возможности обладать правами в будущем, без предоставления при этом ему каких-либо конкретных прав в настоящем⁹.

Неслучайно теоретики правосубъектности подчеркивают ее исключительно абстрактный характер, не зависящий от имеющихся у лица правомочий и свобод, реализуемых в конкретных правоотношениях. Обычно это понятие раскрывается через «признание гражданина в качестве субъекта правоотношений вообще..., квалифицируя его в качестве возможного субъекта конкретных субъективных прав»¹⁰. Так, А. В. Мицкевич понимал правоспособность как комплекс прав и обязанностей, которым субъект права обладает «в силу самого действия закона, независимо от участия в тех или иных правоотношениях»¹¹. Данный комплекс «общих прав» существует, по мнению ученого, только *in abstracto*, тогда как конкретные права и обязанности возникают позднее, когда субъект вступает в правоотношения или когда в законодательстве появляются «права с определенным содержанием»¹². Но, говоря о возможных правах в будущем, имеем ли мы дело с собственно юридическими категориями (которые, в отличие от моральных или религиозных, обычно характеризуются формальной определенностью) либо вступаем на зыбкую почву правовой политики, философии права? Допустимы и оправданы дискуссии о нормативных условиях правового регули-

рования (кельзеновской «основной норме», «правилах признания» Харта и т. п.), но сведение этих условий к субъективным правам не приносит никакого результата. По сути, применительно к рассматриваемой в таком ракурсе правосубъектности речь идет об одном из базовых условий правового регулирования в обществе. Но это условие — наличие в обществе способных к правовому общению лиц — по логике формирования правовой материи должно предшествовать нормотворчеству, а не вытекать из норм действующего права.

Другие теоретики пытаются обосновать смысл понятия правосубъектности через введение еще ряда делений, в частности, разграничения между ним и такими смежными понятиями, как «правовой статус», «правовое положение» и т. п. На поверку эти понятия равным образом раскрывают меру признанной за личностью юридической свободы, хотя наличие разных терминов иногда подталкивает ученых к проведению границ между ними. Так, С. С. Алексеев полагает, что правовой статус является одним из элементов правосубъектности, относясь к ней как часть к целому, как совокупность базовых субъективных прав по отношению к гипотетической возможности иметь «права в общем», из которой исходит издающий нормы законодатель¹³. Другие ученые исходят из прямо противоположных посылок, по тем же самым критериям считая статус частным понятием, входящим в объем более широкого понятия субъектности¹⁴. Наконец, третья группа исследователей, отрицая допустимость самого понятия правосубъектности, безуспешно ставят на его место понятие правового статуса, включая в последний как правдееспособность, так и конституционные субъективные права и обязанности¹⁵. Таким образом, спор о разграничении понятий «правовой статус» и «правосубъектность» вновь превращается в терминологические словопрения, возвращая нас к вопросу о логической независимости и неизбыточности понятия правосубъектности¹⁶.

¹³ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 145 и далее.

¹⁴ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении М., 1974. С. 122 и далее.

¹⁵ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 189 и далее; Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 38 и далее.

¹⁶ См. изложение различных позиций по вопросу: Яковлев В. Ф. Указ. соч. С. 101 и др.

⁸ Илларионова Т. И. Структура гражданской правоспособности // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. С. 56 и далее.

⁹ Красавчиков О. А. Указ. соч. С. 18 и далее.

¹⁰ Веберс Я. Р. Указ. соч. С. 26.

¹¹ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 12.

¹² Там же. С. 15 и др. Удачную критику понимания правосубъектности как «права на право» или «субъективного права общего типа» (см.: Андрианов Н. В. Указ. соч. С. 360—363).

То же самое можно сказать и об определении правосубъектности через ее противопоставление термину «гражданство». Указывая на то, что гражданство оказывается одновременно и более широким (поскольку предоставляет лицу ряд конкретных субъективных политических прав), и более узким (поскольку гражданство не является условием наделения правосубъектностью), А. Е. Тарасова полагает, что это доказывает независимость понятия «правосубъектность»¹⁷. Представляется, что здесь мы имеем дело с логической ошибкой предвосхищения результата (*post hoc, ergo propter hoc*), поскольку то, что объясняемый термин (правосубъектность) не находится в логической связи с другим термином (гражданство), еще не означает логической адекватности первого термина¹⁸. Вновь критерием деления оказывается отношение абстрактной возможности к конкретному правомочию.

¹⁷ Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М., 2008. С. 14—15. Вместе с тем, автор небезосновательно указывает, что все три понятия (гражданство, правовой статус и правосубъектность) без труда выражаются через категорию правового состояния (Там же. С. 16). А это уже, наоборот, доказывает логическую избыточность деления между ними.

¹⁸ Так, например, Н. В. Витрук, которого Тарасова цитирует на следующей странице в подтверждение корректности разделения правосубъектности и гражданства, описывает правосубъектность как фактическую длящуюся связь лица с обществом и государством (см.: Витрук Н. В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1974. № 12); а эта дефиниция, очевидно, совпадает с раскрытием понятия гражданства в ст. 3 ФЗ № 62 «О гражданстве». Позиция самого проф. Витрука (ср.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008), исходящего из представлений о стадийности проявления прав и обязанностей, в которой правоспособность (в свою очередь, входящая в содержание правосубъектности) полагается в качестве одной из таких стадий, представляется сомнительной. То, что теоретик использует некое понятие для конструирования процесса реализации права, еще не доказывает, во-первых, что это понятие отражает объективные реалии и, во-вторых, что это понятие необходимо для описания правовой действительности и не может быть заменено другим. Введение «общей стадии» реализации субъективного права, возможно, помогает автору построить абстрактную схему правореализации. Но данный прием никак не доказывает ни истинности самой этой схемы, ни тем более обоснованности используемых в ней терминов.

Описанная ситуация вскрывает одну из глубинных философских предпосылок рассматриваемых правовых конструкций, отголоски извечного спора юснатурализма и юспозитивизма — вопрос о том, что первично в правовой действительности: неотъемлемые и неотчуждаемые от человеческой личности, и в этом смысле «естественные», правопритязания либо некие социально-экономические, культурные или политические константы, которые позволяют считать человека «юридической личностью», способной носить и осуществлять права в данном обществе (стране, государстве)¹⁹. В первом ракурсе рассматриваемое деление теряет свой смысл, а правосубъектность как абстрактная предпосылка к обладанию правами оказывается ненужной теоретической конструкцией, которая успешно может быть заменена категорией «субъективное право»²⁰. Во втором аспекте правосубъектность позиционируется как общее условие возникновения правоотношения и тем самым ставится в логически независимое положение к конкретному субъективному праву, реализуемому в правоотношении²¹. Но, вопреки убежденности адептов этого воззрения, здесь правосубъектность не становится элементом самого правоотношения, поскольку даже на высочайшем уровне абстракции проблематично представить некое абсолютное правоотношение, которое было бы предпосылкой других столь же абсолютных правоотношений. В качестве промежуточной позиции предлагалось выделять в субъективных правах личности абстрактное и конкретное, где правосубъектность выделяется как идеальная предпосылка осуществления права²² либо, наоборот, как «возможная модификация», возведение субъективных прав в ранг всеобщих, конституционных прав²³. В этом

¹⁹ Ср. постановку этих вопросов в советском правоведении, соответственно, в работах: Малеев Н. С. О понятии, ограничении и защите правоспособности граждан // Теоретические вопросы гражданского права. С., 1980. С. 3 и далее; Озрих М. Ф. Личность и право. М., 1975. С. 68 и далее.

²⁰ Ср.: Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 55 и далее.

²¹ Ср.: Лебединец О. Н. Гражданская правосубъектность (сущность, значение, содержание и элементы) // Юрист. 2003. № 9; Михайлова И. А. Соотношение гражданской правосубъектности со смежными правовыми категориями // Гражданское право. 2008. № 1.

²² Братусь С. Н. Указ соч. С. 18.

²³ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 195 и далее.

ракурсе понятие правосубъективности получает хоть какую-то опору в виде конституционных норм, тогда как в рассуждениях сторонников второго подхода оно, очевидно, оказывается лишь неосознанной общефилософской предпосылкой действительности субъективных прав, которые, впрочем, вполне могут существовать и без нее.

Задача выделения абстрактных условий и предпосылок, без которых невозможно действие позитивного права, обычно была уделом представителей естественно-правового подхода. В этом отношении можно было ожидать от сторонников правосубъективности обоснования независимости прав личности от государственного правотворчества, а споры о границах этого понятия обрели бы методологический смысл в изучении связи между мировоззренческими основаниями культуры того или иного общества и статусом личности, который закрепляется за ней в правовой системе такого общества. Вместе с тем, в большинстве работ по проблематике правосубъективности этот аспект вопроса не поднимается, а в некоторых трудах можно, напротив, прочесть то, что именно государство «определяет гражданское состояние личности и тем самым закрепляет ее правовой статус, фиксирует его возможный объем, а также наделяет личность правосубъектностью, которая зависит от объема правового статуса лица»²⁴. Но зачем делать «много шума из ничего» и «без конца плодить понятия», если все терминологические дебаты сводятся к прописным истинам правового этатизма, а правовой статус личности выводится из наличных государственно-правовых норм? И какую эвристическую ценность имеет вопрос о том, как мы назовем это государственное признание личности, будем ли разделять «абстрактную предпосылку» и «конкретное субъективное право» в правовом положении лица, конструируемом законодателем?

Не усматривается особого смысла и в возведении правосубъективности на уровень наиболее общего и абстрактного условия правового общения. Обосновывая «стадийное» понимание правосубъективности, проф. Витрук в цитированной выше работе исходит из того, что «наделение лица качеством правосубъективности — это отражение и признание за лицом прежде всего его способности как разумного существа поступать свободно, со знанием дела»²⁵. Позволим себе задать вопрос: а если закон и/или правовая

доктрина не признает за лицом «способности как разумного существа поступать свободно», то влечет ли это отсутствие у личности способности действовать «свободно, со знанием дела»? Очевидно, что каприз законодателя или теоретика не способен лишить личность такой способности, и тогда данное понятие оказывается релевантным только для описания способности лица быть участником конкретных правоотношений²⁶. Нельзя не заметить и того, что зачастую в истории вообще не ставился вопрос такого уровня абстракции, как признание за лицами правосубъективности. Так, для римского права типична правовая ситуация, когда раб рассматривается в качестве «говорящей вещи», но одновременно за его действиями признаются юридические следствия.

В советской юриспруденции, богатой на изощренные терминологические споры, в которых талантливые ученые оттачивали свое аргументативное мастерство, по идеологическим причинам не могли быть поставлены мировоззренческие вопросы об истоках неотчуждаемых прав личности, в ракурсе которых проблематика правосубъективности личности могла обрести свой истинный смысл как проблема основ неотчуждаемых прав человека. Российская юриспруденция, заимствуя понятие правосубъективности, использует его как одно из логических делений в юридическом конструировании положения личности, приводящее лишь к схоластическим спорам об отношении друг к другу логически равнозначных понятий²⁷. В этом плане следует согласиться с мнением Н. И. Матузова об избыточности данного понятия. Однако сам по себе вопрос о юридическом конструировании личности как субъекта правовой жизни, разумеется, не лишен интереса и важен для теории права, равно как и для конституционного, гражданского и иных отраслей права. Но если ставить вопрос не в том этатистско-позитивистском ракурсе, который избирают многие отечественные правоведы, а брать личность

---

²⁶ Ср.: Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2007. С. 319 и далее.

²⁷ Ср., например, описание подобных споров в науке международного права, которые скорее запутывают вопрос о правовом статусе международных организаций, чем проясняют его: Кунрев С. С. К вопросу о соотношении понятий «правосубъектность» и «правоспособность» международных организаций // Международное публичное и частное право. 2009. № 3. Схожие проблемы возникают и применительно к правосубъектности/правоспособности юридических лиц (ср.: Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005).

---

²⁴ Комаров С. А. Личность в политической системе российского общества. Саранск, 1995. С. 24.

²⁵ Витрук Н. В. Указ. соч. С. 99.

как юридически первичную категорию по отношению к государству, рассматривая ее права как изначальную данность правового регулирования, то вопрос о разделении правоспособности, правосубъектности и иных смежных понятий теряет сугобо терминологический характер и переходит в разряд мировоззренческих проблем отношения личности, общества и государства. Если обрисованные в настоящей статье дебаты еще имеют *raison d'être*, то он заключается в формулировании адекватного понятия, описывающего и определяющего статус субъекта права с точки зрения избранной философско-правовой парадигмы (типа правопонимания), с детальным исследованием связей между базовыми посылками этой парадигмы и выводимой из нее моделью юридического статуса личности²⁸.

В. А. ТОКАРЕВ

Самарская государственная областная академия (Наяновой), г. Самара

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИИ ПРАВА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИКА ПРАВА

Познание истории права и государства обусловлено ожиданиями от нее соответствующей ей объективности. Как полагает П. Рикер, «объективность должна братья здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счете, оно делает понятным»¹. Разумеется, следует различать объективность истории и объективность естественных наук, находящие свое выражение в их методологии. «Но если мы не в состоянии, по самой природе наших научных средств и методов, раз и навсегда постигнуть весь ход исторической

²⁸ См. также: Андрианов Н. В. Указ. соч. С. 370—371. При этом нельзя согласиться с автором в том, что само по себе использование понятия правосубъектности оправдано за счет возможности установления связей между определением субъекта права и типами правопонимания, условиями его включения в определенную правовую систему, в отрасль права (Там же). Эту возможность сначала нужно реализовать, и уже затем, с учетом итогов исследования, выдвигать утверждения о научной обоснованности изучаемого понятия.

¹ Рикер П. История и истина. СПб. : Алетея, 2002. С. 35.

жизни, то трудности, встречаемые наукой на этом пути, значительно уменьшаются, если мы выделим и подвергнем исследованию определенные стороны человеческого общения»², — констатирует Г. Еллинек. В этом замечании немецкого юриста обнаруживается еще одно ожидание, сопровождающее познание социальной истории — ожидание от историка права определенной субъективности. Она может, в свою очередь, стать предметом оценки, поскольку «хорошая» субъективность историка права соответствует объективности истории, тогда как его «плохая» субъективность уводит нас в сторону от исторической объективности. Кроме того, сопоставление истории права с другими юридическими дисциплинами позволяет сделать вывод о том, что она в большей мере «нацелена на сравнение ценностей правового общения в разных культурах» и такое сравнение «имеет одновременно познавательное и практическое значение»³. Коммуникативная функция истории права указывает на особый тип субъективности, теперь уже не историка, которая опосредует восприятие читателем объективности социальной истории, а самого читателя, заинтересованного в истории. Его интерес объясняется ожиданием того, что «история будет историей людей и что эта история людей поможет читателю, воспитанному на истории историков, построить субъективность более высокого уровня, не только субъективность “Я”, но и субъективность человека вообще»⁴.

Итак, три ожидания (объективности социальной истории, субъективности историка права и субъективной рефлексии читателя) пересекаются, образуя историческое измерение права. В его границах формируется субъект истории права, осуществляется интерпретация опыта решения конфликтов на почве права, происходит осмысление идеи права. Не отказываясь от собственных оснований, история права, взятая в единстве ее объективного и субъективного аспектов, открывается философии права через историю философии права⁵ и философию истории права⁶.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 65.

³ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М. : Норма, 2005. С. 1.

⁴ Рикер П. Указ. соч. С. 36.

⁵ См., например: Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб. : Лань, 2001. С. 30—33.

⁶ См.: Радбрух Г. Философия права. М. : Международные отношения, 2004. С. 102—109 (§ 11. Философия истории права).